

Днём жизнь текла размеренно, и он проводил время в одиночестве во дворе, занимаясь каллиграфией, живописью, чтением и боевыми искусствами. Но ночью, выходя на задания, словно становился другим человеком. Стоило вручить ему нож — и он превращался в кошмар, преследующий людей из жизни в жизнь. Казалось, он отдаёт себе отчёт в своих действиях, но в то же время — будто и нет.

Она думала, что, возможно, это связано с Волей Опавших Цветов. Но не решалась углубляться в эти мысли. И не только она — остальные обитатели Павильона Радужных Одежд тоже избегали строить догадки. Игнорирование стало лучшей тактикой. Со временем рядом с ним остались лишь его наставница тётушка Чань и глава павильона. Для посторонних он и стал их олицетворением. Связываться с таким человеком никто бы не осмелился.

— Ты делаешь всё, что велит тебе наставник? — небрежно завёл разговор А Цзю.

Би Цин: «...?»

Неужели никто... не осмелится?

Она сохранила бесстрастное выражение лица, замедлила шаг и стала прислушиваться.

— Благодеяния тяжелы, как гора, — спокойно ответил Тан Шаотан.

А Цзю продолжил подкапывать:

— А если глава павильона прикажет тебе что-то сделать, ты тоже слушаешься?

Тан Шаотан опустил взгляд, по-прежнему не выражая эмоций:

— Веления главы павильона неоспоримы.

А Цзю:

— Понятно. А если приказ наставника и веление главы павильона разойдутся, что будешь делать?

Перед этой намеренной провокацией Тан Шаотан умолк. Он никогда не задумывался о таком. Разве может наставник пойти против главы павильона?

А Цзю:

— Не можешь ответить? Что ж, подскажу.

Тан Шаотан приготовился слушать:

— Я внимателен.

А Цзю:

— Попробуй прислушаться к другому голосу. Например...

Тан Шаотан: «??»

А Цзю подмигнул:

— К моему?

Тан Шаотан: «...»

Би Цин: «...»

Этот человек прямо у неё на глазах переманивал одного из столпов Павильона Радужных Одежд. Неужели Призрачный Дьявол из Павильона Ушоу был таким?

Почувствовав, что подготовил почву, А Цзю, глядя на растерянное лицо Тан Шаотана, отбросил шуточный тон и серьёзно произнёс:

— Или... к своему собственному.

Марионетка, что лишь слепо повинуется, потеряв хозяина, станет беспомощной — ничем не лучше мёртвой. Такая марионетка не способна возненавидеть, а без ненависти не выдержать боли утраты всего.

А Цзю, заложив руки за спину, на пару шагов вышел вперёд и равнодушно бросил:

— Если однажды тебе придётся принять важное решение, прежде чем повиноваться чужому приказу, — он обернулся к Тан Шаотану, — спроси сначала себя, хорошо?

Если когда-нибудь ты захочешь убить меня, я надеюсь, это будет твоё собственное решение.

Лю Сяоэр проработал в таверне пять лет, повидав множество самых разных гостей, и выработал в себе невозмутимость перед любыми странными выходками. Будь то сын, бьющий отца, супруги, крушащие посуду на кухне, дети, носящиеся как угорелые, самозванцы, выдающие себя за великих героев и сбегающие не заплатив, или же притворяющиеся мёртвыми, чтобы выманить деньги, — ничто не могло его удивить.

— Господа, ночевать будете или просто перекусите?

— Вино есть?

С пьяницами, стучащимися в дверь среди ночи, он тоже сталкивался. Пьяному всё равно, день сейчас или ночь. Опьянев, будь то лютый мороз или знойный полдень, они являются без стыда и совести.

Но сегодняшние гости казались иными.

Их было трое.

Мужчины и женщина — красоты невиданной, какой Лю Сяоэр отроду не видывал. Все выглядели совершенно трезвыми, а девушка, заказывавшая вино, говорила чётко и вела себя достойно. Двое мужчин позади тоже ни капли не походили на опьяневших. Если не пьяницы, то зачем явились за вином в такой час?

Но Лю Сяоэр, человек бывалый, мигом нашёл объяснение.

Ведь это постоялый двор, где можно и переночевать. Может, они пришли не только за вином, а чтобы остановиться, выпить на сон грядущий и проспать до полудня?

С этой мыслью он перестал видеть в их поведении нечто странное, проворно вытёр заспанные

глаза и с готовностью принялся за дело.

— Как же, как же, проходите, проходите!

Гости оказались щедрыми. Девушка прямо швырнула на стол золотой слиток, ослепительно сверкнувший на свету. Лю Сяоэр схватил его и принялся кусать со всех сторон, опасаясь, что спросонок попался на удочку мошенников. Убедившись, что во рту — настоящее золото, он быстро сунул слиток в карман, расплывшись в улыбке.

Сегодня и впрямь удачный день, думал он. Проклятый скряга-хозяин отсутствует, а такие гости пожаловали. Продаст он им вина, а потом просто добавит в оставшиеся бочки воды — никто и не заметит. В конце концов, сам хозяин не гнушался разбавлять вино, приговаривая, что пьянство вредит здоровью, а он, дескать, доброе дело творит.

Лю Сяоэр решил, что и он творит благо, помогая хозяину накопить заслуги.

— Слуга, принеси-ка вина, — один из гостей, юноша приятной наружности, подмигнул Лю Сяоэру, давая понять, чтобы тот принёс вина.

Принести, немного, не слишком много.

Лю Сяоэр заметил меч на поясе другого гостя и всё понял. Он закивал:

— Сейчас, сейчас!

Ясно-ясно.

Раз уж они из мира рек и озёр и среди ночи вина захотелось, как же можно пить по чуть-чуть? Наверное, им целую жажду нужно утолить!

Вскоре сообразительный Лю Сяоэр, пыхтя, притащил к столу пять бочек разбавленного старого вина.

А Цзю: «...»

Юноша приятной наружности уставился на Лю Сяоэра. Тот не понял.

Чего? Мало? Больше нельзя, а то воды не хватит, чтобы разбавить.

Лю Сяоэр поставил бочки, снял с шеи три чаши и с улыбкой расставил их перед гостями. Чаши были самые обычные, но Лю Сяоэр выбрал их тщательно: ни единого скола по краям, такие хозяин велел подавать только почётным гостям.

— Что ещё прикажете, господа?

Би Цин, единственная, кто не села, покачала головой и, указав на чашу перед собой, сказала:

— Убери, я не буду пить. Можешь идти.

Лю Сяоэр послушно убрал чашу и отступил, украдкой оглядываясь через плечо на странных гостей. Теперь они уже не казались ему людьми рек и озёр. Иначе почему двое мужчин сидят, не шелохнувшись, а девушка стоит и наливает им?

Он решил, что красавица, должно быть, служанка из богатого дома, а те двое — молодые

господа.

Возвращаясь к стойке, Лю Сяозэр не переставал мысленно восхищаться: ишь какая силища у этой девицы — одной рукой держит бочку, наливает, и ни капли мимо! Если бы такая красавица дала пощёчину, небось, разнесло бы в лепёшку?

Пока он за стойкой, прикрыв лицо, подглядывал, за столом уже началось состязание.

Би Цин:

— Прошу.

Каждый выпивал по чаше, после чего её наполняли снова. Кто первым свалится — проиграл.

Ещё получив приказ, Би Цин показалось странным, что глава павильона велел определить победителя соревнованием в питье. Во-первых, Тан Шаотан не отличался особым умением пить — в этом у него не было преимущества, в отличие от боя. Во-вторых, их было больше, а состязание предполагало единоборство.

По пути, разыскивая вино, она снова и снова пыталась понять замысел главы павильона и пришла к единственному выводу — тот намеренно даёт противнику шанс.

И лишь опустошив три бочки, она почуяла неладное.

Не с ней, а с теми, кто пил.

<http://bllate.org/book/16258/1462917>